

12+

БОРИС ЯРЕМИН

Том Старзл

ОТЕЦ СОВРЕМЕННОЙ
ТРАНСПЛАНТАЦИИ

Борис Яремин Том Старзл. Отец современной трансплантации

<https://litres.ru/74274907>

ISBN 9785007067683

Аннотация

Первая на русском языке книга о Томасе Старзле (1926–2017) — хирурге, сделавшем первую в мире пересадку печени и ставшем «отцом современной трансплантологии». Не история лёгкого успеха, а портрет человека, которому было тяжело почти всегда — и который именно поэтому стал нравственным ориентиром для трансплантологов всего мира. Шестнадцать коротких глав: от отцовской типографии в Айове до открытия, подарившего тысячам людей жизнь с чужим органом.

Содержание

ТОМ СТАРЗЛ	5
ОТЕЦ СОВРЕМЕННОЙ	6
ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ	
ПАРОЛЬ	6
Глава первая. РУКИ	8
Глава вторая. ФУЛТОН	12
Глава третья. МАТЬ	15
Глава четвёртая. МОЗГ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Том Старзл
Отец современной
трансплантации

Борис Яремин

© Борис Яремин, 2026

ISBN 978-5-0070-6768-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТОМ СТАРЗЛ

ОТЕЦ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ

ПАРОЛЬ

Я хирург, и руки у меня по локоть заняты чаще, чем свободны. Случается так: идёт операция, телефон звонит не вовремя, а ответить нужно — и я прошу кого-нибудь поднести трубку и разблокировать экран. Тогда я диктую вслух, через стерильную завесу, пароль: одиннадцать, ноль три, двадцать шесть.

Молодые, кто слышит это впервые, нередко переспрашивают: что за дата? И, узнав, что это дата рождения Старзла, ничей не день рождения из родни и не годовщина, спрашивают — да кто он такой, этот ваш Старзл?

Я долго пробовал отвечать коротко и понял, что коротко не выходит. Одним-двумя абзацами тут не обойтись. Не обходится, признаюсь, и целой книгой: то, что вы держите в руках, отвечает на этот вопрос лишь отчасти.

Отвечу, как умею. Томас Старзл для меня — и, думаю, для многих трансплантологов по всему свету — остаётся нравственным ориентиром. Он дал нам нашу профессию; такого долга не отдашь и не забудешь, и потому мы помним

о нём и думаем даже тогда, когда не произносим его имени вслух. А тем, кто ещё не знает его близко, познакомиться с ним стоит и по другой причине: это редкий образец человеческого достоинства в трудной жизни.

Он не был суперменом. Его судьба — не история лёгкого успеха, из которой выходит приятный фильм с понятным финалом. Ему было тяжело почти всегда. Но именно это и делает его историю такой ценной, а его самого — таким притягательным человеком. Перед нами обыкновенный человек, который ценой огромных решений и огромных усилий добился максимума возможного — и продолжает своё дело по сей день, спасая тысячи людей руками тех, кого научил.

Эта книга — моя слабая попытка рассказать дорогому читателю, что значит для всех нас Том Старзл: каким он был человеком и какова была интонация того, что он делал. Не судите строго. Но в каждое слово, написанное здесь, я верю.

Глава первая. РУКИ

Ле-Марс, штат Айова. 1926

Мальчик лет двенадцати стоит у наборной кассы в типографии отца и раскладывает литеры — каждую в свою ячейку, строчные отдельно от прописных, точку отдельно от запятой. Касса разбита на отделения не по алфавиту, а по тому, как часто буква встречается в языке: ходовые под рукой, редкие подальше. Через год он будет находить нужную ячейку не глядя.

Его звали Томас Эрл Старзл, он родился 11 марта 1926 года, и руки, которыми он однажды пришьёт человеку чужую печень, в этот момент пахнут типографской краской.

Ле-Марс — городок на северо-западе Айовы, из тех, где все друг друга знают и где быть из семьи Старзл что-то да значит. Отец, Роман Фредерик, держал местную газету: писал, редактировал, печатал, продавал. Этого ему было мало. По вечерам он сочинял фантастику — рассказы про другие планеты, которые покупали грошовые журналы в больших городах. Днём он считал каждую строчку городской хроники, ночью отправлял людей к звёздам. Сын унаследует обе эти вещи разом, хотя поймёт это нескоро: дотошность к малому и наглость замахиваться на невозможное.

Мать, Анна Лора, до замужества была операционной сестрой. Хирургия появилась в роду Старзлов раньше, чем сам

Том. Прежде чем он узнал, что такое скальпель, в доме уже жил человек, который подавал его хирургу и знал на ощупь.

Депрессия шла по стране, война собиралась за горизонтом, но детство мальчика держалось на простом распорядке: школа, газета, прихожане воскресной мессы. Семья была католической, и вера в этом доме не была декорацией. Тома она задела глубоко — настолько, что подростком он всерьёз думал о священстве.

Работать он начал рано. Сперва разносил газеты — тёмным айовским утром, на велосипеде, по адресам, которые помнил наизусть. Потом отец взял его в самую типографию, и Том получил должность с честным средневековым названием — «дьявол». Так звали мальчишку при печатнике: того, кто таскает, замешивает, чистит, заряжает. Кто закладывает рулоны бумаги в пресс, машину тяжёлую и злую, не прощающую зевка. Кто к концу смены чёрен по локоть.

В этой работе не было ничего возвышенного, и в том всё дело. Набор не терпит приблизительности. Литера либо встала, либо нет; пробел либо тот, либо строка поехала; буква, поставленная вверх ногами, выйдет в тираж и опозорит газету перед всем Ле-Марсом. Ошибка здесь не абстрактна — её можно подержать в руках, на ней стоит фамилия отца. Мальчик день за днём учится единственному, чему типография вообще способна научить: делать точно с первого раза, потому что второго не будет.

И ещё — есть в наборном деле движение, о котором сто-

ронному человеку не догадаться. Когда тираж отпечатан, набор не выбрасывают. Литеры разбирают и возвращают по ячейкам — каждую туда, откуда взяли. Это называется разборкой, и это работа кропотливее самого набора: сотни одинаковых на вид кусочков металла надо мгновенно опознать и определить на место, не вглядываясь, на чистой памяти пальцев. Том делал это тысячи раз. Рука, которая научилась без участия глаз сортировать мелкое и одинаковое, потом, через тридцать лет, будет вслепую, на ощупь, в чужой залитой кровью брюшной полости находить и сводить сосуды толщиной со спичку.

Сам он позже скажет об этом просто — что ловкость рук, без которой не состоялась бы ни одна его операция, он вынес из отцовской типографии. Это не красивая фигура речи задним числом. Хирурга в нём собирали не в анатомичке. Его собрали раньше — у наборной кассы, из свинца и точности. Из этого провинциального дома, где пахло краской и керосином, где отец считал строчки и выдумывал галактики, а мать когда-то подавала зажимы, вышел человек с двумя несочетаемыми дарами. Воображение, чтобы поверить в невозможное прежде, чем оно стало возможным. И руки, которые умели сделать невозможное аккуратно.

Всё остальное — Денвер, Питтсбург, печень на операционном столе, миллионы цитирований, слава и её цена — было ещё впереди и было ещё немыслимо. А пока мальчик в типографии Ле-Марса заканчивает разборку, ставит на ме-

сто последнюю литеру, вытирает руки о фартук и идёт домой ужинать. Руки ещё чёрные.

Глава вторая. ФУЛТОН

1944—1947

Войну он, в сущности, пропустил. В его жизни ещё будет довольно подвига, чтобы не занимать его в долг у истории.

Весной 1944 года Том Старзл окончил школу в Ле-Марсе и сразу записался во флот. Ему было восемнадцать, война шла четвёртый год, и для мальчишки из Айовы вопрос стоял не «идти или нет», а только «куда». Он выбрал флот.

Но флот выбрал для него колледж. Вместо палубы и Тихого океана восемнадцатилетнего новобранца отправили в школу подготовки офицеров при Вестминстерском колледже — крошечном учебном заведении в Фултоне, штат Миссури. Самое большое событие века подхватило его, протащило несколько сотен миль на восток и опустило за парту. Пока его ровесники гибли у Лейте и на Окинаве, Старзл в Миссури учил устав, маршировал и сдавал зачёты. К сорок пятому всё кончилось. Он демобилизовался, толком не понюхав пороха.

Он окончил школу первым учеником. Играл на трубе — и не просто играл, а был чемпионом. Состоял в бойскаутах, занимался спортом. Обычный одарённый американский подросток предвоенной поры, каких тысячи, — с одной особенностью: всё, за что он брался, выходило у него чуть лучше, чем от него ждали, и за это его регулярно подозревали в

нечестности. В восьмом классе он так знал латынь, что учительница заподозрила списывание. В выпускном — написал сочинение так, что преподаватель английского обвинил его в плагиате: школьник, мол, так писать не может.

Пройдёт тридцать лет — и весь медицинский мир так же откажется верить, что один человек в захолустном Денвере действительно пересадил человеку печень. Старзлу было суждено всю жизнь делать вещи на грани правдоподобия и всю жизнь доказывать, что он не сжульничал.

После флота он вернулся в тот же Фултон — теперь уже не курсантом, а студентом подготовительного медицинского курса. В 1947 году получил диплом биолога. Вышло странно: место, куда его почти случайно закинула война, стало местом, где из него начали делать учёного. Не запишись он во флот — не попал бы в Вестминстер. История иногда сшивает судьбу грубыми, наспех положенными стежками, а потом оказывается, что иначе и не сшить.

Сам Фултон в те годы был городком с одной-единственной достопримечательностью — и случилась она прямо при Старзле. 5 марта 1946 года, когда он ещё ходил по этим улицам студентом, в зале Вестминстерского колледжа выступил Уинстон Черчилль и произнёс слова про железный занавес, опустившийся поперёк Европы. Так вышло, что холодную войну объявили в том же тихом миссурийском городке, где будущий отец трансплантологии сдавал зачёты по биологии. Слышал ли он речь своими ушами — мы не знаем. Но воз-

дух той эпохи он вдыхал ровно в той точке, где этот воздух менялся.

Кем он станет, всё ещё не было решено. В нём жили двое. Один хотел стать священником. Об этом он думал всерьёз ещё подростком, и католическая вера держала его крепко — не как обычай, а как призвание. Другой шёл в медицину, и туда его всю жизнь подталкивала мать, бывшая операционная сестра, мечтавшая видеть сына хирургом. Двое уживались в нём мирно, потому что выбирать пока было не из чего срочного. Мать была жива. Вопрос можно было отложить. До ответа на него оставалось меньше года.

Глава третья. МАТЬ

1947

Анна Лора Старзл умирала не один год.

Рак груди в сороковые не лечили — с ним жили, сколько было отпущено. Можно было отнять грудь по тогдашнему жестокому обычаю, можно было облучить, оставалось молиться; а когда болезнь уходила глубже первой стадии, медицина замолкала вовсе, потому что того, что мы теперь зовём лечением, тогда попросту не существовало на свете. Семья ждала и смотрела. Ждала долго.

Когда-то она и сама стояла в операционной — сестрой: подавала инструменты, знала их на ощупь, своими глазами видела, на что хирурги способны, и это она хотела вывести сына в хирурги. Теперь хирурги приходили к ней и уходили, не сделав ничего, потому что делать было нечего, и Том смотрел, как те самые инструменты, к которым она научила его относиться с почтением, не могут ей помочь.

Дом держался на ней. Отец печатал газету, выдумывал свои галактики, вечно что-нибудь затевал — но ось была в ней; когда её не стало, дом этой оси лишился. Овдовевший Роман, четверо детей, тот же Ле-Марс, в котором сделалось пусто. Ничего не обрушилось в один день, со скандалом и громом, — семья просто перестала быть чем-то целым, и Старзл потом назовёт это первым своим разломом, за кото-

рым придут другие.

Тогда же тихо решился спор, который он носил в себе с подростковых лет. Священником он не стал. Не потому, что потерял веру, — веру он не терял никогда, до самого конца, — а потому, что увидел вблизи, как она ничего не может поделать с болью одного-единственного дорогого ему человека. Молитва не отняла опухоль. Выбирать после этого было, в сущности, уже не из чего.

Призвания он при этом не бросил — перенёс его с алтаря на операционный стол, который со временем станет ему алтарём; и то, к чему он собирался когда-то идти в сутане, он потом всю жизнь делал в халате — становился между человеком и смертью и не отступал без боя.

Было и другое, о чём вспоминать тяжелее. У её постели он впервые узнал чувство, от которого потом не избавится до конца, — бессилие врача, опоздавшего к своему больному. Хулители позже спишут всё на честолюбие; на деле всё было проще и горше. Из этого чувства выросла вся его будущая одержимость: он станет брать к себе тех, от кого отказались остальные, — обречённых, неоперабельных, безнадёжных, — и оперировать их с упрямством, которому никто не сумеет найти объяснения. Объяснение осталось в Ле-Марсе, у материнской кровати. Долг, который нельзя вернуть тому, кому он причитается, человек потом возвращает всем подряд, всю жизнь.

Осенью 1947 года, с дипломом биолога и совсем ещё све-

жей могилой, Том Старзл сел на чикагский поезд. В Северо-Западном университете его приняли в медицинскую школу; ему был двадцать один год. Позади оставались разом и Ле-Марс, и Фултон, и мысль о священстве, и мать. Зачем он будет это делать, он знал и теперь — с той самой осени, когда не сумел помочь единственному человеку, которому хотел помочь больше, чем кому-либо на свете.

Глава четвёртая. МОЗГ

Чикаго, 1947—1952

Чикаго встретил его осенью 1947-го — двадцати одного года, с дипломом биолога и недавним горем, о котором не говорил. Северо-Западный университет принял его в медицинскую школу. Дорога была ясна: четыре года, диплом врача, операционная. Тысячи проходят её и становятся хорошими докторами.

Старзлу этого было мало. Прочувшись три года, он сделал странную вещь — взял паузу. Не ради отдыха и не ради заработка: он ушёл на целый год в чистую науку, в лабораторию, заниматься не лечением, а пониманием. Лабораторией заведовал Хорас Мэгун — один из основателей современной нейронауки. Незадолго до того, в 1949 году, Мэгун вместе с итальянцем Джузеппе Моруцци сделал открытие, изменившее представления о мозге: они описали ретикулярную активирующую систему — ту глубинную сеть в стволе мозга, что отвечает за бодрствование и само сознание, за то, что человек вообще бодрствует и сознаёт мир. Старзл попал в эту лабораторию в тот самый момент, когда здесь, по сути, заново открывали, что значит «не спать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.